

ТААКЕ

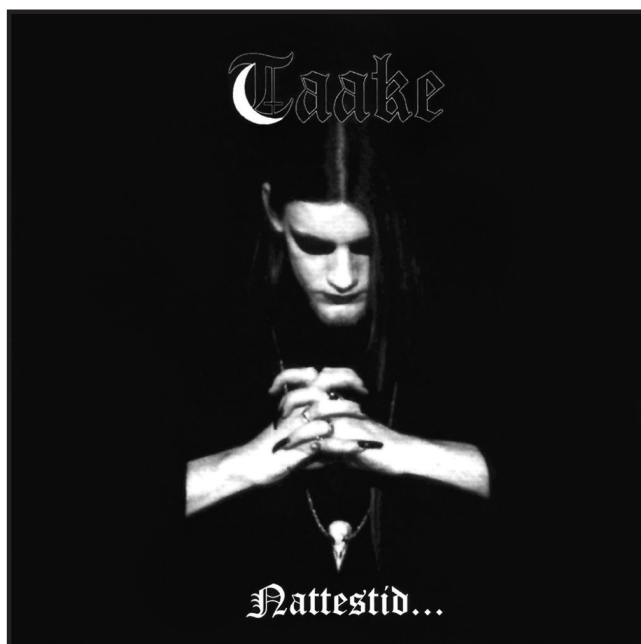
ТААКЕ — ЕЩЁ ОДИН АКТ, проинтервьюированный мной на старте четырёхлетнего путешествия, итогом которого стала *«Black Metal: Эволюция Культа»*, но не поместившийся в книгу. Я вижу «Прелюдию к Культуре» как расширение изначальной истории, поэтому считаю необходимым познакомить вас с группой и её лидером. Тааке — это, безусловно, одна из самых уважаемых и скандальных групп жанра, и одна из тех, что сумели заработать обширную фанатскую базу, не смягчив свою музыку — на эту тему, кстати, мы тоже поговорили. Тааке демонстрируют неизменно высокий уровень качества и традиционный саунд. Это основные причины, по которым я стремился включить их в *«Эволюцию Культа»*, так как тем самым Тааке представляют собой наглядный пример одного из важных ответвлений жанра. Определённо, их нельзя назвать чьими-то клонами — не в последнюю очередь из-за экстравагантного характера основателя группы, Эрьяна «Hoest» Стедьеберга, одного из самых харизматичных и неоднозначных фронтменов Black Metal-сцены. Интервью получилось длинным, и завершить его пришлось довольно резко, поскольку у нас было сильное ограничение по времени. Предупреждаю об этом заранее, чтобы вы не спрашивали, почему мы не обсудили четвёртый альбом!

Ты помнишь, сколько лет тебе было, когда ты открыл для себя метал, и как ты перешёл к Black Metal?

«Мне было шесть лет, когда я полюбил Kiss, но мне больше нравился имидж. Тем не менее, у меня были кассеты, и я уже понимал что-то в этой музыке. Я припоминаю, что в 1986-ом мне подвернулся первый альбом W.A.S.P., «Inside the Machine», и «Somewhere in Time» Iron Maiden. Мой друг взял их у отца — послушав эти альбомы, я впал в экстаз. W.A.S.P. — до сих пор моя любимая группа, а вот Iron Maiden мне больше не нравятся. Ну, а затем, как все остальные, я подсел на Thrash, Death и, наконец, Black Metal».

Какой альбом был твоим первым в Black Metal?

«A Blaze in the Northern Sky»; снова-таки, я впал в экстаз, это было нечто. Позиция «нахуй всё», мрачный звук, злостные риффы, вокал... всё было идеально. В нём был глубинный смысл, и я подумал: «Да, это то, что я искал!»

В 1993-ем ты основал проект Thule и, вместе со своим другом Svartulv'ом, записал и выпустил первое демо — «*Der vinterstormene raste*». В 1994-ом вышло второе демо, «*Omfavnet av svarte vinger*».

«Я пытался кое-что сделать и раньше, но не записывал и не выпускал это. Мы с моим лучшим другом вместе пришли к Black Metal, и предприняли эту попытку сформировать группу, но, к сожалению, он ушёл после записи первого демо. Он играл на гитаре, а я на барабанах. Когда я познакомился

со Svartulv'ом, он уже был неплохим барабанщиком (в отличие от меня), поэтому он сел за ударную установку. И в первые три года мы делали всё вдвоём. В сети пишут, что ему было всего двенадцать, но на самом деле нам обоим было по пятнадцать. Я не знаю, откуда пошёл такой слух».

Как Thule стал Тааке?

«Когда мы придумали это название, мы не осознавали, что уже существует миллион групп, носящих такое же. А потом начали наткаться на них, одну за другой. Некоторые были реально хороши, в том числе норвежская, тёмный рок с севера. Отличная банда. И мы поняли, что нужно менять название. Но по сути мы остались всё той же группой».

Что ты помнишь о первой записи Тааке, демо «*Manndaudsvinter*»?

(смеётся) «Ну, по правде сказать, мы записали это демо прямо здесь [USF Verftet, бар / концертный зал в Бергене, где проходило это интервью — прим. авт.]. Тут была маленькая студия, слева от сцены. О ней мало кто знал, но здесь было записано несколько Black Metal-демок. Удовольствие стоило порядка 30 евро, карманные деньги. Заходишь, записываешь всё в один присест — ужасно».

Ваша музыка всегда была очень «местной» в географическом плане — как лирически, так и по звучанию. Ты жил в этой местности с самого основания Тааке?

«Я много где жил, даже в Лондоне, но родился я в сельской местности неподалёку от Бергена, и жил на ферме со своей матерью, когда записывал первое демо. Думаю, для большинства норвежских групп важно запечатлеть в своей музыке характер природы и погоды. Даже если мы не поём о природе — в смысле, мы, Тааке, поём, но многие другие группы этого не делают — мы всё равно пытаемся создать музыку, которая создаёт в голове природные образы».

Можно ли утверждать, что музыка Тааке и Thule имеет пасторальные мотивы?

«Безусловно. Фермеры — душа Норвегии. До того, как мы нашли нефть (что случилось не так уж давно), мы были бедной нацией, живущей на фермах среди нетронутой природы. Я чувствую, что жизнь на ферме в конце, так сказать, фермерской эпохи подарила мне связь с прошлым».

Расскажи мне о первом альбоме, «*Nattestid ser porten vid*» (1999) — как ты оцениваешь его сегодня?

«Я до сих пор испытываю особую ностальгию по поводу этого альбома. Он создавался много лет, я никуда не спешил.

Наверное, это мой любимый альбом за всю мою карьеру. Впрочем, мне жаль, что я не имел более крупного бюджета на запись; мы не смогли толком осветить его. Мы записывали альбом с 97-го на 98-й, и это было время, когда Black Metal, простите за выражение, начал портиться. Поэтому для меня этот альбом воплощает переходный этап между старой и новой школой».

Что ты имеешь в виду, говоря, что Black Metal начал портиться?

«Модные штучки с вылизанным саундом, отход от, к примеру, норвежскоязычной лирики и норвежской атмосферы. Black Metal стал более интернациональным. Когда всё это начиналось, никто не гнался за успехом. Думаю, многих удивило, что Black Metal стал таким большим явлением. Наверное, это изменило мнение многих людей. Они решили, что можно попробовать на этом заработать, и начали вылизывать звук, делать цветастые обложки, перестали наносить корпспейнт».

Считаешь ли ты, что финансовая поддержка Black Metal со стороны норвежского правительства скомпрометировала всё движение?

«Да, безусловно. Просто посмотрите, что творят Satyricon. Это началось как протест против всего — в первую очередь, против Death Metal, но также против поп-музыки, рок-н-ролла, всего этого. Это движение должно было оставаться абсолютно андеграундным, а теперь всё больше похоже на попсу. Есть некоторые группы... на самом деле, одна группа, всё те же Satyricon, которые гордятся тем, что их ставят на радио вместе с бой-бэндами, белыми рэперами и прочим дерьмом. Я думаю, что это позор. Знаешь, когда-то Black Metal был уникальным. Мы стараемся хранить это чувство в нашем звуке, лирике и оформлении альбомов. После 16 лет работы мы всё ещё остаёмся в андеграунде — или, по крайней мере, стоим в нём одной ногой. Петь о мизантропии и наращивать продажи — это как-то совсем не сочетается, потому что для хороших продаж тебе нужно много работать с людьми, а это слишком трудная задача. Даже если бы мы захотели подзаработать как следует, мы бы не выдержали общение с таким количеством людей».

Почему ты считаешь, что лирика на норвежском так важна? У Тааке много поклонников по всему миру, и многие из них, скорее всего, не понимают содержащийся в ваших текстах посыл из-за языкового барьера.

«Во-первых, идея использовать лирику на норвежском пришла от Darkthrone и их песни с «Under the Funeral Moon». По-моему, это была первая Black Metal-песня на норвежском, и в ней было особое чувство. Чувство, что они сделали нечто уникальное, что у нас

в Норвегии наконец-то появилось нечто своё. Ты знаешь, мы ведь всегда находились в тени шведов. В этом было национальное чувство. Я до сих пор националист. Я показываю это в своей лирике. Поскольку мы никогда не заботились о коммерческой стороне дела, меня не интересует, если люди из-за границы не понимают мою лирику. И никто, кажется, не возражает. Музыка говорит сама за себя. Кроме того, я уверен, что норвежцы тоже не читают тексты!»

Можешь рассказать, о чём повествует твоя лирика?

«Всякие типичные для Норвегии вещи. Я очень люблю старую норвежскую поэзию, где используются архаичные языковые формы. В принципе, вся моя лирика вращается вокруг Норвегии, её прошлого. В ней много деструктивных негативных эмоций, но они поданы с норвежской точки зрения. Я не всегда пишу о чём-то конкретно норвежском, но упоминания природы... ох, это трудно объяснить. Я не люблю обсуждать мои тексты. Но иногда приходится» (смеётся).

Ты зачастую используешь фольклорные мотивы на своих альбомах. Тебя интересует традиционная народная музыка?

«Разумеется! Она привносит особую норвежскую атмосферу. И я считаю, что народная музыка отлично сочетается с Black Metal. Не знаю, слышал ли ты когда-нибудь чистую норвежскую народную музыку, но в ней много грубых, первобытных, дьявольских эмоций. Много дисгармонии. Также я думаю, что эта музыка отлично отражает характер нашей природы».

Как ты считаешь — это важная часть современной норвежской культуры или всё же нишевая вещь?

«Народная музыка довольно часто появляется на радио, по телевидению, во время государственных праздников и так далее. Но, как бы грустно это не звучало, молодёжь мало что знает о ней».

Кроме народной музыки, что ещё вдохновляет Тааке?

«Конечно же, норвежские первопроходцы — Darkthrone, Burzum, ранние Emperor. А также старые трэшевые группы вроде Bathory и Celtic Frost».

Поскольку ты начал создавать музыку во время пика «второй волны», контактировал ли ты с другими участниками норвежской сцены — например, с сообществом магазина Helvete?

«Нет, тогда ещё нет. Мы были очень молоды, жили в глуши, в бары нас ещё не пускали. Я начал общаться с другими музыкантами намного позже».

Со стороны кажется, что участники норвежской Black Metal-сцены стараются держаться вместе. Так ли это?

«Многие музыканты знают друг друга с детства, но на самом деле вся сцена поделена на множество маленьких группировок. Люди говорят, что это сообщество, но мне так не кажется. Или, быть может, я просто не ощущаю себя частью всего этого движения».

Ставил ли ты какие-либо определённые цели перед вторым альбомом, «Over Bjoergvin graater himmerik»?

«Моя музыка всегда выполняет примерно одну и ту же задачу: смешать норвежский Black Metal с фольклорными, трэшевыми и так называемым прогрессивными элементами. Но на втором альбоме я пытался сделать что-то более личное, с минимумом влияния извне. Думаю, на этом альбоме больше прогрессивных элементов, чем на остальных. Риффы на нём более непредсказуемые. Третий альбом, как мне кажется, вернулся к истокам, а четвёртый и подавно».

Знаменитый boing-звук [непереводимое понятие, обозначающее резкий звук, напоминающий тот, что издаёт резко распрямляющаяся пружина; часто используется для озвучивания прыжков в мультфильмах — прим. перев.], встречающийся на этом альбоме, удивил немало слушателей...

«Многие обратили на него внимание, но, наверное, это потому, что они никогда раньше не слышали варган. Если не знать, что это за инструмент, этот звук действительно может показаться глупым. Я не использовал варган в полной мере, я просто вставлял его там и тут. В конце концов, это просто отсылка к традиционному норвежскому музыкальному инструменту».

Третий альбом, «Hordalands doedskvad», стал для группы своего рода прорывом. Ты пригласил поучаствовать на нём нескольких музыкантов, в том числе участников Carpathian Forest и Orcustus...

«Я пригласил людей, с которыми общался в тот период. И, как большинство людей в 2000-е, был сыт по горло тем, во что превратился норвежский Black Metal. Мы с соратниками сделали эту эмблему, логотип «True Norwegian Black Metal», чтобы дистанцироваться от остальных. Мы вдохновляли друг друга, подливали масла в едва не затухший огонь норвежского Black Metal».

Какой смысл вы вкладывали в логотип «True Norwegian Black Metal»?

«Верность старым идеалам. Концентрация на разрушительных силах, негативных чувствах, стоящих за ними. Мы хотели, так сказать, оставаться «подлинными». Nattefrost использовал эту эмблему, Orcustus тоже, хотя потом они прекратили это делать по ряду причин. Затем Urgehal, Deathcult... не так уж много. Смысл в том, чтобы сохранять музыку чистой, как в былые времена, и то же самое касается лирики — она должна быть античеловеческой, направленной против жизни».

Ты считаешь Тааке сатанинской группой?

«Зависит от того, что подразумевать под «сатанизмом». Часть концепции группы относится к продаже души Сатане, но я бы не использовал слово «сатанинский», потому что у каждого человека есть своё видение сатанизма. Однако я, безусловно, продал свою душу дьяволу».

Я провёл немало времени в гостях у Infernus'a перед тем, как поехать к тебе. Как ты считаешь, у вас схожие взгляды на то, что представляет из себя дьявол?

«Ну, он мой хороший друг, но по этой теме наши взгляды немного расходятся. Я считаю, что в человеке просто есть злые силы, которые он может использовать себе на благо. Вот и всё. Существует баланс, и я верю в то, что можно стать полноценным человеком, не ставящим перед собой запретов, не отталкивающим эти силы, но познающим все аспекты своего «я».

Веришь ли ты в христианские концепции бога и сатаны?

«Нет, ни в коем случае».

Веришь ли ты в какие-либо «высшие силы»?

«Нет, я не уверен. Я предпочитаю не верить во что-либо, пока не увижу доказательств».

Давай поговорим ещё немного о «Hordalands doedskvad»...

«В тот период, когда мы делали «Hordalands doedskvad», я испытывал личностный кризис. Меня всё достало — репетиции, общение, запись... вообще всё. Я думал о том, чтобы просто забить. Я сделал парочку песен, но не хотел репетировать остальные, не хотел играть концерты, ничего не хотел. В конце концов, я записал их самостоятельно на точке у друга. Я точно не хотел делать очередной альбом, поэтому выпустил эти песни на сплитах. Но потом огонь снова запылал во мне, и я вернулся в дело. Я просто на какое-то время сбился с пути».

Ты как-то заявил, что надеешься потерять часть фанатов, выпустив EP «Nekro»...

«Да, такая у меня тогда была позиция. Конечно, я снова возвращался к корням; материал был в духе Bathory и Celtic Frost, с очень деструктивной лирикой. Мне кажется, что на первых альбомах нас неверно поняли. Ну, понимаешь, там не самая деструктивная музыка на свете, поэтому мы хотели вернуться к корням и зазвучать по-настоящему зло. Мы думали, что это понравится лишь немногим».

Ты действительно хотел бы потерять фанатов?

«Я совсем не возражаю против этого. Мы никогда не старались быть знаменитостями»

Тебе когда-нибудь казалось, что группа слишком популярна?

«Иногда. Я удивлён нашей нынешней репутацией. Конечно, в какой-то мере я рад этому, но, поскольку мы никогда нацеливались на большую аудиторию, это немного абсурдно».

Это приносит тебе неудобства?

«Иногда. Люди, с которыми мы работаем, всегда стараются выжать из нас побольше, заставить нас выпрыгнуть из штанов. Конечно, мы сопротивляемся. Мне больше нравился период, когда я жил один, в изоляции, и поддерживал контакт лишь с несколькими друзьями, надеясь, что им по-

нравится моя музыка. Вот почему у нас есть песни, посвящённые конкретным людям».

В тот период у тебя несколько раз были нелады с властями. Расскажи об этом.

«Я сидел в тюрьме три раза за различные проступки. Впервые я попал туда в конце девяностых, а затем дважды в 2005-ом. Мои действия хорошо иллюстрируют мои слова о дьявольских чертах в человеке и том, что бывает, если обнажить их. Я считаю, что, если тебя провоцируют, ты обязан отплатить за это в десятикратном размере. Я никогда не создаю проблем, однако если другие люди создают их, они обязаны получить урок».

Каким образом тебя провоцировали?

«Я не хотел бы вдаваться в подробности. Во время пьяных городских ночей случаются разные вещи, понимаешь?»

Но неприятности сами нашли тебя?

«О, да».

Не так уж много народу с норвежской Black Metal-сцены сегодня имеет проблемы с законом...

«На самом деле, довольно много, но не все попадают в газеты, как я или ещё некоторые. У меня в группе трое парней, и один из них не может летать в Штаты, потому что был участником одного из самых громких дел в истории Норвегии. Это был один из наиболее серьёзных судебных процессов, что знала эта страна, но он не хочет, чтобы люди связывали его с этим».

То есть, можно сказать, что это характерно для группы? Он тоже попал в неприятности и принял ответные меры?

«Ага».

Важно ли для тебя, чтобы твои товарищи по группе были способны на подобные действия?

«Наверное. Ты должен уметь постоять за себя, это важно, но ты также должен быть осторожным. Угодить в тюрьму очень легко; полиция всегда стоит на страже христианской морали. Это звучит глупо, но у нас до сих пор много таких эпизодов. На допросе тебя не спрашивают, почему это произошло, тебя спрашивают, почему ты не подставил другую щёку, ведь ты должен был! Они даже не берут в расчёт, что тебя вынудили пойти на ответные действия. Но у всего есть предел; даже сраный судья, сидящий в своём кресле, имеет ограниченную власть».

Ты упомянул, что трое твоих напарников по группе имели проблемы с властями. Можешь ли ты с уверенностью сказать, что их всех спровоцировали?

«Конечно. Я думаю, они поступали по-справедливости. Просто наши законы такие ебанутые, что за это они были вынуждены отмотать сроки в тюрьме».

Каково было в тюрьме? Раздражала ли тебя невозможность заниматься музыкой?

«Нет, вообще-то я мог это делать. К счастью, тюрьмы в Норвегии не такие, как в других странах, в этом я уверен. У них такая политика — они отбирают твою свободу, но оставляют всё остальное, типа телевизора с каналами, о существовании которых я раньше не подозревал. Я взял с собой гитару и сочинил много музыки. В какой-то мере эта изоляция была полезна, вот только мне приходилось питаться в одной столовой с наркоманами и прочим отребьем».

Встретил ли ты в тюрьме кого-нибудь со схожими взглядами?

«Хмммммм... нет, не припоминаю. Люди, работающие там, такие же преступники, как и заключённые, они держатся очень нагло. Нахождение в тюрьме — потеря времени, и я совершенно разубажал закон, потому что обращались со мной крайне несправедливо. Я не сожалею о том, что сделал. Почему я должен сожалеть? Я поступил правильно».

Связь с криминалом и слухи о правом радикализме повысили популярность группы, принеся вам как добрую, так и дурную славу.

«Дурной было намного, намного больше, но я не против. Я не жалею о содеянном, только мне кажется, что меня неверно поняли. Я не пишу о вещах, которые популярны на сегодняшний день. Раньше ключевым элементом была мизантропия, а что может быть лучшим символом мизантропии, чем свастика нацисткой Германии? И, конечно, мы пытались вызвать у людей чувства, которые они не желали испытывать, независимо от того, нравится ли им наша музыка. Кроме того, я подумал, что будет не лишним напомнить немцам об их крупнейшем позоре. Некоторые люди поняли нашу мысль и приняли её, но другие истолковали это абсолютно неверно».

Ты считаешь, люди подумали, что вы — национал-социалистическая группа?

«Да, нас постоянно запихивали в эту категорию — но мы не нацисты. Если уж вдаваться во всю эту нацистскую идеологию, то как я могу поддерживать Гитлера после того, что он натворил в Норвегии? Я — норвежский националист; я бы сражался против него, если бы жил в те времена. Люди должны осознать это, но, похоже, это для них слишком сложно».

Ты понимал, что провоцируешь людей?

«Да, понимал. Я хотел побыть говнюком, и я был говнюком. Люди решили, что я — говнюк, так что миссия выполнена».

Есть ли в идеологии Гитлера постулаты, с которыми ты согласен?

«Да, разумеется. Он был человеческим существом, у него были хорошие стороны, плохие стороны, хорошие идеи и плохие идеи. Я знаю, что это звучит неоднозначно, но он действительно мог спасти Европу от ряда бед. Однако, вместо того, чтобы заключать союзы, он напал, и тем самым на-

жил слишком много врагов. Так что я думаю, что у него было много хороших идей, но одной из плохих было нападение на Норвегию».

Какие идеи ты считаешь хорошими?

«Объединение Европы, сохранение европейского наследия. Он использовал множество символов нордической мифологии. Во многих смыслах он идеализировал Норвегию, считая большинство скандинавов арийцами».

Многие люди озабочены проблемой нелегальной миграции. На твой взгляд, в Норвегии существует эта проблема?

«Да. Я не нацист, я не расист, но я позволяю себе давать оценку другим культурам. Мало кто в Норвегии не смотрит на это через розовые очки, но проблема нелегальной миграции усугубляется. Особенно это касается мусульман — они не уважают нашу культуру, но требуют от нас уважать их культуру. Они всё время пытаются изменить наши законы, подстроить их под себя, заставить большинство подчиняться меньшинству. Сворачивайтесь и уёбывайте!»

Есть ли какие-либо аспекты в культуре Ближнего Востока, которые ты уважаешь?

«Ни в коем случае. Она принадлежит к каменному веку. Например, мы гордимся своим норвежским наследием. Мы добились многого в уравнивании мужчин и женщин в правах, и вид женщины, одетой в чёрный балахон от макушки до пят, оскорбляет наши достижения. Я не думаю, что люди, живущие в другом веке, должны смешиваться с нами, особенно если они пришли сюда поживиться за счёт нашего благополучия».

Восхищаешься ли ты какими-либо другими культурами?

«У меня проблемы только с мусульманами. Я уважаю азиатские культуры, британцев... большинство европейцев. Всё остальное... ну, честно говоря, это просто не для меня».

Что ты думаешь по поводу «левых» убеждений норвежского общества?

«Я понимаю их, я вырос в этой среде, и я принимаю это. Кроме того, мы по-настоящему работаем, поэтому деньги берутся не из воздуха, но слишком много этих денег отправляется на помощь другим странам. Их то посылают в Африку, чтобы спасти голодающих детей, то тратят на лечение наркоманов. Ко многим приезжим относятся лучше, чем к коренным норвежцам».

Видишь ли ты какие-то плюсы в иммиграции?

«Я не вижу в ней никакой пользы. Мы ничего не получаем взамен. Только проблемы. Я, как человек нелюдимый, был бы рад видеть Норвегию более изолированной. Так было когда-то, никто не знал, что Норвегия представляет собой, и никто не горел желанием узнать. А теперь наша страна стала богатой, и они прут сюда без остановки. Я думаю, это унижительно».